

КЛЮЧЕВЫЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Символизация и психоз Переход от матрицида в виде совершенного акта к фантазму о матрициде (часть 1)

Ален Жибо

(Перевод с фр.: О.В. Чекункова)

Translation from French:

O.V. Chekunkova)

Ален Жибо – психоаналитик, действительный член Международной психоаналитической ассоциации, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), тренинг-аналитик (SPP), экс-президент Европейской федерации психоанализа, экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации, Почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов.

*«Среди сексуальных фантазмов пубертатного периода особой силой обладают те, которые отличаются универсальным характером и большой независимостью по отношению к личному опыту индивида... Это фантазм о возвращении в материнское лоно, суть которого – опыт, пережитый во время нахождения внутри материнского живота...»
З. Фрейд, 1905, заметки 1920, с. 164*

В целом мы можем определить символизацию как операцию, с помощью которой для кого-то одно будет представлять собой другое. Таким образом, если символизация может проявляться как замещение одного объекта другим, прежде всего она является результатом процесса, который предполагает наличие способности создавать репрезентации отсутствующего объекта, когда субъект способен понять, что символ не является объектом, который он символизирует.

Символизация напрямую связана с игрой воображения, создавая благоприятные условия для появления фантазматических способностей, категории времени и психического пространства. Под таким углом зрения

символизация является прежде всего механизмом против депрессии, позволяющим ограничить циркуляцию аффектов. Среди принципов системы символов и символических значений мы обнаруживаем взаимосвязь характерных элементов, сочетание которых надделено смыслом, в данном случае речь идет о формировании в бессознательной связи между двумя репрезентациями (символа и символизируемого), конечной целью при этом является связывание аффекта, который в случае отсутствия связывания остался бы свободно плавающим.

Помимо отношений замещения между двумя составляющими, символизация также представляет собой промежуточное рефлексивное пространство между субъектом и объектом, между внешней и психической реальностью, между прошлым и настоящим, и через функцию принятия социальной реальности и разделения ее ценностей перекликается с конечной целью процесса сублимации. Именно это является результатом процесса символизации, цель которого – ввести систему обмена между внутренней реальностью и межличностными отношениями. Эти характеристики процесса символизации подчеркивают важность той работы, которую проделывает субъект, когда возвращается к себе для того, чтобы лучше узнать объект и открыть его инаковость.

Данная теория символизации может акцентировать внимание либо на линейном процессе происхождения, в котором раскрываются условия, необходимые для замещения одного элемента другим, либо на символизирующей операции, состоящей из трех элементов, которая определяет структуру функционирования. Фрейд также придерживался двух концепций символизации: в более узком смысле, рассматривая процесс замещения, состоящий из двух элементов, в соотношении с *концепцией сексуальной системы символов, присущей сновидению*, которую сновидец использует, но не создает сам, это наводит на мысль, что с этой точки зрения он заменяет процесс индивидуальных ассоциаций универсальным языком, подобным тому, который используется при толковании сновидений; в более широком смысле символизация рассматривается как операция, состоящая из трех элементов, в которой истерический симптом представляет собой *мнезический символ* и описывается как результат основного личного конфликта между двумя противоположными репрезентациями, под таким углом зрения символизация соответствует совокупности психической работы, создающей эффекты искажения. Две данные концепции представляют собой для Фрейда способ сравнения и сопоставления исторических и структурных целей и задач, индивидуального и универсального, образа и языка.

Теория не существует в отрыве от процесса терапии, типичная модель которого также включает отношения, состоящие из двух «составляющих», аналитика и анализанта, при этом работа возможна только при условии наличия третичной инстанции – кадра, таким образом, аналитическая ситуация является одновременно символической и символизирующей, поскольку ее способ функционирования опирается на трехчастную структуру, именно эта структура способствует разворачиванию

процесса символизации, со всеми присущими ему моментами замыкания и раскрытия. Фрейд делает акцент главным образом на индивидуальное символическое, противопоставляя его работе культуры, открывающей измерение социального, указывая на действия символизации внутри терапевтического процесса: закрытая и повторяющаяся символизация должна превратиться в открытую и неповторяющуюся символизацию, открывающую путь для появления новой системы связей.

Теория психоза

Аналитическая работа с психотическими пациентами ставит вопрос о нарушениях символизации и о необходимости материализовать измерение третичности для того, чтобы создать благоприятные условия для психической интериоризации. Психотические тревоги были описаны Фрейдом как угроза потери дифференциации между Я и объектом, спутанность с объектом, эти тревоги порождают ярость, направленную на уничтожение объекта или самого субъекта, то, что Андре Грин (1980) описывает как устранение объекта и превращение объектного реинвестирования в создание бредовой неореальности. С этой точки зрения для того, чтобы отделить невроз от психоза, необходимо ввести континуум – от способности инвестировать объект до потери этой способности, что, согласно Фрейду, предполагало потерю способности организовать невроз переноса. В поисках специфических механизмов психоза Фрейд (1923 [1924 b]), как мы знаем, противопоставляет вытеснение – в случае невроза, отрицанию реальности – в случае психоза. Если рассматривать различия между неврозом и психозом под данным углом, потеря реальности при психозе соотносится с полным отрицанием реальности, что подкрепляет мысль о невозможности использовать перенос в качестве опоры при лечении психотических пациентов, даже в случае, если образование бредовой продукции рассматривать как «попытки выздоровления» и воссоединения с объектным миром.

В конце жизни Фрейд (1938 [1940]) возвращается к данному утверждению, чтобы указать на то, что в случае психоза *отрицание* никогда не будет тотальным: «Проблема психоза была бы простой и прозрачной, если бы отказ Я от реальности был полным и окончательным. Но, кажется, подобное происходит крайне редко, а возможно, и никогда... Из рассказов выздоровевших пациентов мы узнаем, что во время болезни в глубине их души оставался уголок, в котором, по их словам, прятался нормальный человек, *незаинтересованный наблюдатель*, позволяющий чередой нездоровых патологических фантазмов следовать друг за другом» (с. 299–300, авторское подчеркивание). Фрейд не только акцентирует внимание на функции бреда при психозе, но и делает отсылку к организации Я, отличающейся от невротической, *расщеплению Я*, подчеркивая тем самым преобладание нарциссических инвестиций над объектными.

История появления таких понятий, как диссоциация и расщепление, свидетельствует об особом внимании Фрейда, направленном на установление связи между механизмами невроза и психоза, в то время как Блейлер, который ввел понятие «шизофрения» в психиатрическое поле, безусловно, смог стать преемником идей Фрейда, представив тем не менее процесс психоза в более статичном виде; для него *Spaltung* (расщепление) представляет собой вторичный эффект по отношению к первичной дефицитарности, которая является истинной причиной разрушения психического процесса. С этой точки зрения между неврозом и психозом обязательно должен присутствовать глубокий разрыв – хиазм.

Если же рассмотреть оппозицию между неврозом и психозом в работах Фрейда (1924 *b*, 1924 *e*), можно увидеть присутствие двух неизменных защитных механизмов – вытеснения и отрицания. Понятие «форкклюзия», введенное Лаканом, допускает «разделение» данных механизмов. Либо можно рассматривать отрицание как специфическую форму вытеснения, при которой вытесняются не только репрезентации и аффекты, но также способ функционирования Я: «Вытесняющее "Я" есть "Я" вытесняемое», отмечает Жан Жилибер.

Таким образом, мы можем понять разницу в использовании термина проекция, согласно которому в случае невроза речь идет о проекции *аспектов Я*, при которой сохраняется различие между Я и не-Я, в случае же психоза речь идет о проекции *частей Я*, что ставит под угрозу сохранение границ между Я и не-Я, примером может служить патологическая проективная идентификация (A. Gibeault, 2010).

На самом деле теории, которые настаивают на существовании хиазма между неврозом и психозом, можно отнести скорее к феноменологической, нежели психоаналитической категории. В них не учитывается экономический аспект, один из трех аспектов метапсихологии, а именно психическая экономия нарциссических и объектных инвестиций и важность аффектов в отношениях между репрезентациями. Если сделать акцент на экономии нарциссических и объектных инвестиций, истинный разрыв между различными типами организаций больше не будет существовать. Таким образом, расщепление можно рассматривать как экономическое расширение защитного механизма и организацию первичного Я.

В классическом вытеснении, которое мы встречаем в невротических организациях, всегда можно связать репрезентации с аффектами. В психотических и первертных организациях, в которых превалируют нарциссические инвестиции, можно увидеть изменение экономии и провал контринвестирования. Я теряет свою функцию синтеза и больше не в состоянии делать ассоциативные связи между двумя противоположными позициями, Я вынуждено использовать отрицание и расщепление, совмещение двух противоположных позиций, расположенных параллельно друг другу в процессе мышления, для того чтобы сдерживать затапливающий Я страх распада на части.

Интересно было бы отметить, что данный континуум между неврозом и психозом позволяет понять, почему в «Очерках по психоанализу» (1938 [1940a]) Фрейд говорит о расщеплении Я в случае невроза: «Поскольку Оно имеет одну лишь цель – получение удовольствия, в Я преобладают соображения безопасности. Задачей Я является поддержание самосохранения, и кажется, что Оно не берет в расчет эту задачу. Я использует тревожные ощущения в качестве сигнала, который предупреждает об опасности, угрожающей его целостности» (с. 297).

Б. Розенберг (1980) отмечает, что эта специфическая тревога Я начинает действовать «когда его целостность оказывается под угрозой». Он добавляет: «Невротика могут почувствовать эту угрозу, когда внутренний конфликт становится чрезмерным, поляризованным и когда способности к синтезу и компромиссу больше неспособны справиться» (с. 26). Таким образом, Б. Розенберг рассматривает тревогу, которую можно обнаружить в синдроме деперсонализации, как тревогу потери своей целостности и идентичности, а не как совершенное расщепление Я. Если как таковое расщепление Я не существует в случае невроза, *потенциальная возможность* расщепления Я является принадлежностью человеческой психики.

И напротив, в случае психоза обнаруживается свершенное расщепление Я, которое, однако, никогда не будет в полной мере необратимым, психотическая тревога может рассматриваться как потенциал для трансформации расщепления Я в психический конфликт. Звучит парадоксально, но расщепление в случае перверсии является наиболее полным, завершенным, именно поэтому перверты в гораздо меньшей степени, чем другие люди, подвержены тревоге потерять свою целостность. Если психотический процесс можно определить через выделение отрицания и расщепления Я в качестве отправной точки, если психотическая тревога может привести субъект к состоянию, которое Ракамье (1992) определяет как «комплекс небытия», «момент зарождения психики, где происходит первичное разделение между Я и объектом», однако в данный процесс включена и возможность вновь найти путь к объектам, поскольку наличие тревоги служит доказательством того, что внутренний конфликт не полностью выброшен наружу.

Психоз включает в себя проблему матрицида, которую можно считать последствием невозможности проделать сепарацию и дифференциацию: отделение от матери предполагает, что субъект больше ее не ощущает на перцептивном уровне, на когнитивном уровне это значит, что она умерла, на уровне влечений – что она убита субъектом (М.-Л. Ру, 2014). Свершенное убийство свидетельствует о невозможности сформировать *фантазм* о матрициде. В психотическом функционировании обнаруживается использование перцептивных средств, что является признаком провала процесса символизации.

Психоз и изменения техники

Подобное понимание психического функционирования при психозе является определяющим для психоаналитических исследований, относящихся к выбору техники лечения психотических пациентов. Не начиная обсуждение различных точек зрения на особенности переноса при психозе, хотелось бы выделить статус объекта и роль проекции в психотических состояниях, определяющих его специфику. Вслед за Эвелин Кестемберг (1981), в случае психоза кажется наиболее вероятным применять скорее понятие *инвестирование переноса*, относящееся к отсутствию дифференциации имаго, нежели *перенос в полном смысле этого слова*, предполагающий наличие дифференциации имаго.

Все эти замечания, делающие акцент на важности экономического инвестирования, нарциссического и объектного, лежат в основе различных *технических изменений* при лечении психотических пациентов. Психотическое Я неспособно устанавливать объектный перенос невротического типа, в связи со сложностями в развитии интроекций и идентификаций, именно поэтому необходимо прибегать к различным изменениям в технике. В первую очередь изменения касаются *аналитического кадра*, поскольку отсутствие способности делать перенос дифференцированных имаго на аналитика является определяющим для использования различных технических изменений, отличающихся от классического анализа на кушетке: речь идет о психотерапии лицом к лицу, индивидуальной аналитической психодраме и использовании аналитического третьего. Визуальная и двигательная опора является поддержкой, обеспечивающей развитие процесса символизации, поскольку материализованный третий устанавливает границы, снижающие опасность внедрения и стирания различий между объектом и субъектом.

С этой точки зрения не стоит сразу предлагать психотическим пациентам в остром состоянии психоаналитическое лечение, вначале пациент наблюдается у психиатра в сочетании (или нет) с медикаментозной терапией. Третичная функция, осуществляемая Центром психоанализа и психотерапии (Ассоциация психического здоровья 13 округа) и психиатрическим учреждением, в данном случае играет важнейшую роль и дает пациенту возможность в достаточной мере справиться с тревогой, для того чтобы начать психоаналитическое лечение. Данный подход сильно отличается от кляйнианского, в котором психоаналитик, как, например, Герберт Розенфельд (1965), может сразу предложить психоанализ пациентам с шизофренией в острой стадии.

Технические изменения касаются также *подхода к интерпретациям*, речь идет о том, что в начале терапии следует в меньшей степени интерпретировать фантазматическое содержание бессознательного и уделять внимание особенностям психического функционирования; и только на втором этапе, когда Я пациента становится способным связывать

возбуждение со стороны влечений с репрезентациями, можно интерпретировать бессознательные фантазмы и перенос без риска взлома психики пациента.

В данном случае речь идет об интерпретациях в переносе и/или *интерпретациях переноса*, которые определяют специфику психической работы по переработке материала и появлению новых конфигураций. Создание психического пространства и появление категории времени в данном случае соотносятся с работой интерпретаций здесь и сейчас, которая снабжает «интерпретациями настоящего времени», способными запустить работу предсознательного. Эта работа по созданию связей между инвестированием личности аналитика и родительских имаго, а также связей между прошлым и настоящим предшествует появлению интерпретаций в полном смысле этого слова. Сначала аналитик должен быть скорее тем, кто создает связи, чем тем, кто знает; это значит, что нужно найти сложный путь между сверхинвестированием и дезинвестированием репрезентаций пациента (Рене Дяткин, 1983). Возможно, необходимым условием будет умение отдаться потоку репрезентаций, своих и пациента, вызывающих удивление и застигающих врасплох, и понимание того, что созданная из образов и слов конфигурация чаще всего находится по ту сторону активности логического мышления.

При работе с психотическими пациентами интерпретации в переносе часто ставят в центр внимания психическое функционирование, функцией интерпретаций в данном случае является создание переноса и аналитического процесса. Безусловно, благодаря тому, что он говорит, аналитик становится носителем проекции преследующего Сверх-Я, и, кроме того, опорой, которая помогает пациенту справиться с тревогой и проявлять интерес к интервенциям аналитика и появлению у себя новых ассоциативных способностей. Риском непосредственной интерпретации бессознательных фантазмов может стать усиление атак преследующего Сверх-Я, проецируемого на аналитика. Интерпретация в переносе создает экономические условия, необходимые для *интерпретации переноса*. Начиная с момента, когда интерпретативная функция может стать для пациента источником еще и позитивных аффектов, аналитик может напрямую интерпретировать перенос.

Если рассматривать кадр, структура которого определяется явно или неявно обозначенным основным правилом, то кадр обеспечивает условия для того, чтобы перенос был не только причиной *повторения*, но и причиной *изменений*. Функцией интерпретации, как очень верно подчеркивает Рене Дяткин (1987), является наделение смыслом не столько содержания «одного или многих элементов», сколько «психических противоречий, вызванных аналитической ситуацией» (с. 30), а именно необходимость одновременно инвестировать и защищаться от этого инвестирования, всегда наделенная эротическим смыслом. При таких условиях интерпретация может заменить словами действие и поможет проработать

конфликт между стремлением к мгновенной разрядке возбуждения и поддержанием возбуждения на постоянном уровне.

Мы можем попробовать приблизить интерпретацию в переносе к интерпретации, находящейся в связи с потоком свободных ассоциаций, наиболее близкой к уровню предсознательного, освобождающей путь для появления различных смыслов и значений, в то время как интерпретация переноса скорее ближе к интерпретации-объяснению, которая адресована системе перцепции-сознания, она более внешняя, оторвана от потока ассоциаций и в случае необходимости более однозначная и проявляющая скрытый смысл¹.

Тем не менее было бы ошибкой увидеть здесь абсолютное равенство, поскольку один тип интерпретации может рассматриваться как объяснение, а другой – может в динамике использовать принципы работы сновидения, особенно сгущение и смещение. Во всяком случае, речь идет не о выборе между двумя разновидностями интерпретаций, а скорее о необходимости прояснить процесс сочетания связывания и развязывания, который в итоге определяет движение и перемещение внутри психических систем.

Мы можем здесь вспомнить о различии, которое Мишель де М'Юзан (1994) делает между интерпретацией, приближенной к работе сновидения, которая соприкасается с цензурой между предсознательным и бессознательным, и вторичной интерпретацией, которая скорее приближается к цензуре между предсознательным и сознанием. Рене Дяткин со своей стороны различает *интерпретацию*, которая напрямую передает содержание бессознательного, и *интерпретацию*, которая скорее обращена к предсознательному. Активизация ассоциативного процесса в гораздо большей степени запускается благодаря интервенциям, нежели интерпретациям в полном смысле этого слова. Во всех этих случаях речь идет о том, что *слова* создают условия для поднятия на поверхность вытеснения и/или расщепления Я.

Кроме того, в данном случае речь идет о теоретическом и техническом подходе, отличном от кляйнианского. Э. Кестемберг (1957) отмечает: «Нам кажется... что вместо того, чтобы способствовать установлению психоза переноса, его следует избегать и двигаться в сторону невротизации психотических проявлений в переносе. Только постепенная невротизация позволит нам при работе с психотическими пациентами вновь найти потерянную грань между фантазмом и той реальностью, с которой мы сможем работать, как говорил С. Нашт» (с. 45). Она добавляет: «На самом деле, если мы заменим психотическое состояние психозом переноса, эта конструкция будет бредовой, и мы не сможем больше показывать защитный характер и при этом получать результаты, поскольку аналитик является неотделимой частью данной конструкции, кроме того,

¹ Отличие интерпретаций в или вне ассоциативного потока: ср. Д. Дункан (1989).

он представляет собой пожирающую и пожираемую реальность, с которой сражается больной и которая запрещает ему любые движения в сторону автономии, при этом крайней точкой данного защитного механизма будет аутизм или смерть» (*там же*). Данные различия между французским и британским подходами не подразумевают непримиримые противоречия. Оба подхода стремятся к единой цели – долговременным и устойчивым психическим изменениям психотических состояний, но для достижения этой цели используются различные технические правила, в которые входит кадр, а также способы и формы интерпретаций.

С другой стороны, цели переноса и аналитической работы при психотических состояниях различаются и могут даже рассматриваться как противоположные в случае холодного психоза или *не бредового психоза* и бредового психоза. Здесь представлены две различные психические экономии, которые могут привести через использование объекта и качество работы проекций к различным видам психоза. В регистре не бредового психоза или холодного психоза (*J.&E. Kestemberg, S. Decobert, 1972*) подавление аффектов и расщепление на уровне тела приводят к полному устранению символизации, в данном случае анорексия, в которой можно увидеть сходство с аутистическим уходом в психические убежища, представляет собой наиболее типичный пример.

Э. Кестемберг подчеркивает (1975), что в данном случае объект обозначен пунктиром и с ним выстраиваются фетишистские отношения, которые представляют собой единственное решение против отрицания тела и объекта, предпосылкой для которого является расщепление Я, зачастую непреодолимое и необратимое. Реальная смерть некоторых пациенток с анорексией свидетельствует об экономической силе этих примитивных защитных механизмов. Смена пола, транссексуальное решение также может рассматриваться как проявление не бредового психоза. Кроме того, тяжелые случаи психосоматической дезорганизации, которые Мишель де М'Юзан (1998) предлагает называть актуальными психозами и которые характеризуются отрицанием внутренней реальности, дефицитом ментализации и утратой либидинальной энергии, необходимой для инвестирования, можно по описанию сравнить с холодными психозами, термином Э. Кестемберг. И наконец, встает вопрос о возможных отношениях между не бредовыми психозами и пограничными состояниями.

С другой стороны, психическая экономия других психотических организаций, наоборот, направлена на сохранение этих аффектов благодаря символической кристаллизации, в том случае, если в результате стирается разрыв и дистанция, можно говорить о выборе решения на уровне репрезентаций, *бредовый психоз* стремится включить в себя объект и идущие от него перцептивные ощущения и работать *с ним*, в то время как в случае не бредовых психозов наблюдается противоположная тенденция – исключить объект и работать *против него*. Как отмечает Блон (1970), мы не можем сказать, что психотический пациент не способен создавать

символическую продукцию, напротив, его символизация доведена до крайности и мешает получать знания о внешнем мире. Психотический символ включает в себя *внутреннее, личное* измерение, которое является знаком отрицания «отцовства мира» («отцовского участия в сотворении мира»).

[Продолжение статьи в следующих номерах журнала]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Balier C.* (1988). *Psychanalyse des comportements violents*. Paris: PUF, 279 p.
2. *Balier C.* (1996). *Psychanalyse des comportements sexuels violents*. Paris: PUF, 253 p.
3. *Bion W. R.* (1970). *L'attention et l'interprétation*. Paris: Payot, 1974.
4. *Diatkine R.* (1983). Introduction à une discussion sur l'interprétation // RFP, 47, 3, P. 717–733.
5. *Diatkine R.* (1987). Transfert, «associations libres» et processus de changement // Les Textes du Centre Alfred Binet P. 10, 1–37.
6. *Donnet J.-L.* (1983). L'enjeu de l'interprétation // Le divan bien tempéré. Paris: PUF, 1995. P. 175–188.
7. *Donnet J.L.* (2005). *La situation analysante*. Paris: PUF. 216 p.
8. *Duncan D.* (1989). "The flow of interpretation. The collateral interpretation, force and flow" // in Int. J. of Psychonal. № 4. Vol. 70. P. 673–700. Vol. 70. № 4. Pp. 673–700.
9. *Freud S.* (1899 [1900 a]). L'interprétation du rêve in Œuvres complètes. *Psychanalyse*, IV, 1899–1900. Paris: PUF. 2003. 756 p.
10. *Freud S.* (1914). De la fausse reconnaissance («déjà raconté») pendant le travail psychanalytique // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XII, 1913–1914. Paris: PUF. 2005. P. 317–325.
11. *Freud S.* (1915 [1917 d]). Complément métapsychologique à la doctrine du rêve // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XIII, 1914–1915. Paris: PUF. 2005. P. 243–258.
12. *Freud S.* (1915–1917 [1916–17]). Leçons d'introduction à la psychanalyse. // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XIV, 1915–1916. Paris: PUF. 2000. 516 p.
13. *Freud S.* (1919 [1919 h]). L'inquiétant // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XV, 1916–1920. Paris: PUF. 1996. P. 147–188.
14. *Freud S.* (1923 [1924 b]). Névrose et psychose // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XVII, 1923–1925. Paris: PUF. 1992. P. 1–7.
15. *Freud S.* (1924 [1924e]). La perte de la réalité dans la névrose et la psychose // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XVII, 1923–1925. Paris: PUF. 1992. P. 35–41.
16. *Freud S.* (1925 [1925 h]). La négation // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XVII, 1923–1925. Paris: PUF. 1992. P. 165–171.
17. *Freud S.* (1937 [1937c]). L'analyse finie et l'analyse infinie // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XX, 1937–1939. P. 13–55.
18. *Freud S.* (1938 [1940a]). Abrégé de psychanalyse // Œuvres complètes, *Psychanalyse*, XX, 1937–1939. Paris: PUF. 2010. P. 225–305.
19. *Freud S.* (1938 [1940e]). Le clivage du moi dans le processus de défense // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XX, 1937–1939. Paris: PUF. 2010. P. 219–224.
20. *Gibeault A.* (2010). *Chemins de la symbolisation*. Paris: PUF.

21. *Gillibert J.* (1985). *Le Psychodrame de la psychanalyse*. Paris: Champ Vallon.
22. *Green A.* (1980). *Passions et destins des passions. Sur les rapports entre folie et psychose // La folie privée*. Paris: Gallimard. 1990. P. 141–193.
23. *Green A.* (2002). *Idées directrices pour une psychanalyse contemporaine: méconnaissance et reconnaissance de l'inconscient*. Paris: PUF. 400 p.
24. *Jacobson E.* (1954). *Contribution to the metapsychology of psychotic identifications // Journal of the American Psycho-Analytic Association*. № 2. Vol. VII.
25. *Jeammet P., & Kestemberg E.* (1981). *Le Psychodrame psychanalytique. Technique, spécificité, indications // Psychothérapies*, 2: 85–92.
26. *Kestemberg E.* (1957). *Quelques considérations à propos de la fin du traitement des malades à structure psychotique // La psychose froide*. Paris: Presses Universitaires de France. 2001. P. 15–54.
27. *Kestemberg E. & J. et Decobert S.* (1972). *La faim et le corps*. Paris: PUF.
28. *Kestemberg E.* (1975). *La relation fétichique à l'objet // La psychose froide*. Paris: PUF. 2001. P. 77–101.
29. *Kestemberg E. & Jeammet P.* (1987). *Le Psychodrame psychanalytique*. Paris: Presses Universitaires de France.
30. *Lebovici S., Diatkine R., & Kestemberg E.* (1969–70). *Bilan de dix ans de pratique psychodramatique chez l'enfant et l'adolescent // Bulletin de psychologie*. 285. XXIII, 13–16: 839–888.
31. *M'Uzan M.* (1994). *La bouche de l'inconscient*. Paris: Gallimard.
32. *M'Uzan M. de* (1998). *Impasses de la théorie, théories indispensables // Revue française de psychanalyse*. t.62, numéro spécial congrès. P. 1459–1463.
33. *Racamier P.C.* (1976). *Rêve et psychose: rêve ou psychose // Revue Française de Psychanalyse*, t. 40. № 1. P. 173–193.
34. *Racamier P.C.* (1992). *Le génie des origines. Psychanalyse et psychose*. Paris. Payot. 420 p.
35. *Rosenberg B.* (1980). *Quelques réflexions sur la notion de clivage du Moi dans l'œuvre de Freud // Les Cahiers du Centre de Psychanalyse et de Psychothérapie*. № 1. P. 9–32.
36. *Rosenfeld H.* (1965). *Etats psychotiques*. Paris: PUF. 1976.
37. *Roux M.-L.* (2014). *Culpabilité inconsciente et fantasme de matricide // J. Guillaumin (Ed.), Fantasme de matricide et culpabilité inconsciente*. Paris. Dunod. P. 1–33.
38. *Winnicott, D.W.* (1971). *Jeu et réalité. L'espace potentiel*. Paris: Gallimard. 1975.

Alain Gibeault, psychoanalyst, full-time member of the International Psychoanalytic Association, Titularmember of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), training analyst of SPP, Paste President of the European Federation of Psychoanalysis, Paste Secretary-General of the International Psychoanalytic Association, Honorary Director of the E. and J. Kestembergs Center for Psychoanalysis and Psychotherapy in Paris.